

Рождение жизни, смерти коготок –
Почти ничтожно это узнавание.
Когда в цепи я выключаю ток,
Я размыкаю нить существования.
Там жизни нет, а значит, смерти нет.
Природа электронов постижима.
Но дело в том, что вспыхивает свет
И гаснет от нажима.

Слизывает слова с нёба большими глотками
Солнечный спирт – давай чокаться голосами,
Давай жить!
Приглашаю тебя на танец
Былинок и небылинок в моем дыханье,
Хотя готовы расхохотаться над нами
Стены, которые ты щекочешь взглядом...
Знаешь, у них есть уши!
У чемоданов есть ноги!
У денег есть смелость отдавать себя без остатка!
Только мы тут такие –
Пустая порода, виляющая хвостом
Пожилкой лопате,
Заговор против нежности
И прочих хищных вещей.

ПЕРЕВОРОТ

Нежная, невинная земля.
Ни секунды пасмурного кроя.
Открывай глаза, любовь моя.
Где мы, догадалась? Это Троя.

Это наши правила игры –
Действовать напористо и смело.
Умыкнуть тебя из Анкары
Было для меня минутным делом.

Друг ракии нам сейчас нальет,
Скажет о текущей обстановке.
Черный наш гвардейский вертолет –
За конем троянским, на парковке.

О победе следует забыть,
А за старый мир не удержаться:
В Истамбуле на мостах – рабы,
И под танки мальчики ложатся.

Бой во имя мира и добра
(Что им Менелай и что Елена) –
Там расскажет радио с утра
Сказку про зловещего Гюлена,

Ведь иначе все не объяснить,
Только рвать от ярости рубаху:
Надо же моторам в небе выть,
Чтобы быть услышанным Аллахом.

Ну а тут рука в моей руке.
Поцелуй. Отложена расплата.
И кусочек моря вдалеке,
Где стояли корабли когда-то.

Скоро там доспехи заблестят,
Задрожит от танкового гула...
Завтра, верно, высадят десант,
Им часа четыре от Стамбула.

Пусть бурчит профессор старый нам,
Чтобы мы беду его познали:
Шлиман, дилетант, наделал ям,
Все слои смешал в одном отвале.

С прошлым затевается война,
Ветер дует в сторону Босфора.
Им, рабам, лишь яма и нужна –
Это он узнает очень скоро.

Нет печальней участи жреца
Тут, в провинциальном центре мира.
Приготовь затылок для свинца –
Эй, профессор, помнишь про Пальмиру?

Нежная, наивная земля.
Каждый человек – местоименье.
Выстрел учит лучше букваря
Правилу согласных повторений.

Гвардия разбита как бокал.
Длится поцелуй и сталь сверкает.
Что ж, идем в минувшие века,
Раз оттуда ветер долетает.

Мы и тем, и этим не свои.
Боги вряд ли примут нас на веру.
Смешаны культурные слои
В нашей реконструкции Гомера.

Во мне притаилось семь троянских вопросов,
И пока меня тащат в чужой город, скрипят колеса,
Смазанные слюной победителей, они стараются хранить молчание,
Шепотом меж собой говорить, не звякать мечами.

Им темно в моем чреве, скроенном наспех у моря,
Не поспать, не выпить, не покурить, не поспорить,
Цепляясь за доски этой троянской телеги.
Им бы, как говорится, только доехать.

Чужая жизнь это скучный рай ли, веселый и жадный ад,
Но есть семь вопросов к тебе – в коне у открытых врат,
И когда ослабеет праздник, и музыку сдует в степь,
Один за другим они выйдут, чтобы посеять смерть.

...Восходит солнце, дома и храмы уже пусты.
Нагреваются доски мои, сосна смоляную гонит слезу.
Я большая игрушка со смертью внутри, а ты?
Кто мной играет? В какой город меня везут?

Глаза соединяют тело с пыльным садом,
С налетом мотыльков из вспаханных полей,
И дом чужой, а своего уже не надо,
Смотри на смерть, подруга, веселей.

Ты будешь через день в косухе темно-красной
Песком подземных птиц шутя кормить с руки
На свете том, где быть предельно ясно –
Все тот же сад чужой, все те же мотыльки.

Это было вчера, или позавчера,
Здесь рождались миры и кончалась мура,
И бывала трава муравою.
Здесь домашние духи сидели в углах,
И совсем не боялся опасности страх
Легким облаком над головою.

Цифровые потоки не били в глаза,
Аромат источали вино и лоза,
Дольче воздух пьянил вечерами
Комариное облако под фонарем –
В этот мир мы тогда приходили живьем,
И последнее слово за нами.

Рио-риту поставишь на старый вертак -
Да, когда-то они танцевали вот так,
Кто погиб за Иркутском, за Вислой,
Но судьба справедлива, когда не права,
И до судорог в горле содержат слова
Полновесные пригоршни смысла.

Говори, говори. Бесконечный расход,
Будто жизнь без тебя никуда не уйдет,
На сетчатке твоей отразится.
Но глаза мимо смерти смотреть не вольны.
Наше мирное время - займы у войны,
И словами нельзя расплатиться.

Самый страшный конец – за спокойным концом.
Почерневшая дача. Под старым крыльцом
Догнивает скелет домового.
А над бездной, такой же как встарь молодой,
Дух все кружит и кружит - над черной водой,
Как игла над запиленным словом.

IF

Если ты думаешь, что все слова во всех сочетаниях уже произнесены, и вняты
только выстрелы,

Что по-настоящему крут лишь тот, кто способен убить,
А убийство – меньшее извращение человеческой природы, чем однополый секс,
Если ты полагаешь, что самое важное это гранитные плиты и учебники истории,
Что ты – хранитель традиций, последний бастион перед грохочущим царством тьмы,
И мечтаешь вернуть утраченное понимание истины,
Которой, несомненно, раньше люди владели во всей полноте,
Если ты готов повторить, что век вывихнут,
Но не готов вывихнуть свой мозг, как Офелия, а предпочитаешь обнажить клинок,
Если новая драма истории кажется тебе легкомысленной,
Актеры фальшивят,
И лучший твой конфидент – мертвец, и живешь ты по указке мертвеца,
И если – в конце концов – при чтении этих строк в тебе закипает яд,
Значит все в порядке,
Это гребаная старость, Гамлет.
Не требуй ее от молодых.

P.S.

Розенкранц и Гильденстерн живы.

Я попал в рай.
Это – рай.
Почти все друзья живы.
Дети веселы.
Работодатели любят меня.
Страна собирается процветать.
«Все очень неплохо!» –
Говорю я по телефону,
Едва сдерживая торжество.
В ад мы ходим на экскурсии.
Чтобы не забыть, как там пахнет.
Как там пахнет свободой, еб твою мать.

Карман пробит одною мыслью о деньгах.
Скупое утро. Сигареты на исходе.
Шагаешь прочь. Прах попирает прах –
И чисто в человеческой природе.

Ненужный пар из ненадежных уст.
Ненужный дождь, подоблачные птицы.
Твой город и карман сегодня пуст,
И нет бухла, а стало быть, не спиться.

У нищих утро раньше чем у всех.
Бери дождем и запахом дороги.
Когда из подворотни слышен смех –
Бери хоть что-нибудь, хоть руки в ноги.

Закутайся в дырявое пальто.
Оно как море служит утонувшим,
И дохлый голубь, птичий Жан Кокто,
Соединяет прошлое с минувшим.

Давай-ка, сигарету запали.
О нас напишут во всемирном гайде,
Что нищие здесь просто соль земли.
Да, дело не в деньгах. А впрочем, дайте.

Степень свободы равна ее постижению.
Ловушки внутри тебя не имеют стен.
Смерть это только побочный продукт движенья.
Мир расширяется, ибо благословен.

Он умер как честный рокер, но по ошибке врача.
На небесах раздают овердозы всем за хороший трек.
Поп-королю логично прибегнуть к услугам поп-палача.
На то он король, а не человек.

Он никогда не весил больше 45 килограмм.
В детстве его лупил батяня, такой карабас-барабас.
И потом, когда усыновлял детей, большинство мадам
Полагало, что минимум – пидорас.

Он отбелил свою кожу, чтобы стать как большой ожог.
Вел себя странно. Плакал от малейшей боли.
Но выходил на сцену и жег.
Так как он никто не мог. И не сможет более.

Майкл, Майкл, – лает электрическое пианино.
Верная шавка, лунная походка.
В гитары вставляют процессоры купертино,
И цифровой становится даже водка.

Теперь попробуй в полночь водку найди.
И так же трудно уйти в эту музыку с головой...
Он писал свои песни в эпоху CD,
В них есть что-то пластиковое, но живое.

...и пока пустыня внемлет Богу,
в человеке кончается запас воды.
Нечем плакать, нечем плевать
на эту жизнь.
Улыбка пробегает по его губам,
как след от высыхающей капли
на горячем камне.

Зачем меня бьет изнутри мое тело,
Зачем окликает по имени смерть?
Я буду смотреть в это черное, белое,
Буду оранжевым глазом смотреть

Планет хоровод наступающей полночи,
Кометные прятки на сотни парсек...
Им без меня невозможно, беспомощно,
Хоть свет мой уходит в оранжевый спектр.

В распаде своем или полураспаде я –
Кому-то тепло безымянного дня,
Веселая соль светоносного радия.
Не отвлекайте от жизни меня.

Вау, любимая, мы снова пересекли два океана,
Наш сын в два года совершил десять полетов,
Как дома в джетах и гулких аэропортах.
Меняя широты, переводя часы,
Мы почти забыли,
Как славно просто дойти до соседнего дома,
На чай заглянуть, или выпить по рюмке водки,
Вдохнуть немного зимы и немного снега,
Подкинуть поленьев в печь.

Я люблю рев моторов,
Когда сто тонн отрывается от бетонки,
И перегрузка тело вжимает в кресло –
Это чувство силы земли,
Вау, превращенье
Тоски о полете в скорость,
Но мы стартуем
В медленное паданье снежинок,
В медленные, долгие шаги.

Все просто передача ДНК
С ошибками и вывертом последним
Как вьется волос как дрожит рука
Ты мой наследник

Помимо нас помимо этих фраз
Реальной рыбы виртуальной сети
Живая сила бьет за разом раз
Преграду смерти

Ей миллиарды лет она давно
Как ни крути а смерть ее моложе
В их поединке все предрешено
А все же все же

Мы пух лебяжий меж сверхновых нор
Но нам вольно играть в «умри – воскресни»
Стотысячная метка на повтор
Другая песня

Мне хочется две жизни – короткую и длинную,
Хочется две дороги – длинную и короткую,
Быструю и долгую,
С разной ценой мгновений,
Хочется две машины – глотающую все ямы
И жесткую с острым рулем, считающую колдобины,
Хочется два дома – огромный, полный друзей,
И маленький на отшибе,
Хочется юности и зрелости,
Делать невероятное – и думать о невероятном,
Изменять мир и наслаждаться миром,
Смиряться и бунтовать.
Две природы
Полные ошибок
Делают меня человеком.